

УДК 1

DOI 10.21661/r-462859

Д.В. Рахматулина

СУБЪЕКТИВНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ НARRATIVAX ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТИТУЛЬНОГО ЭТНОСА И НАЦИОНАЛЬНОЙ ДИАСПОРЫ (НА ПРИМЕРЕ ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ)

Аннотация: в статье содержится обоснование исследовательского подхода к выявлению содержаний субъективной исторической памяти у групп респондентов различной этнической принадлежности. Представлены результаты исследования двух групп респондентов, являющихся потомками поволжских немцев и представителей титульного этноса (русских). Установлены основные культурно-исторические события жизни народов, составляющие историческую память, в привязке к которым выстраиваются нарративы респондентов.

Ключевые слова: историческая память, нарратив, субъективная реальность, история Поволжских немцев.

D.V. Rakhmatulina

THE SUBJECTIVE CONTENT OF HISTORICAL MEMORY IN AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVES OF REPRESENTATIVES OF TITULAR ETHNIC GROUP AND NATIONAL DIASPORA (BASED ON THE EXAMPLE OF THE VOLGA GERMANS)

Abstract: the article contains a justification of the research approach to the detection of subjective content of historical memory among groups of respondents from different ethnic background; presents the results of a study of two groups of respondents, who are descendants of the Volga Germans and the representatives of the titular

nation (Russian); establishes the main cultural and historical events of life of the peoples that make up the historical memory.

Keywords: *historical memory, narrative, subjective reality, history of the Volga Germans.*

Трансформационные процессы в России на рубеже XX–XXI вв. значительно повлияли на массовое сознание и историческую память людей. В связи со стремительными изменениями социального пространства обострился ряд вопросов, касающихся проблем исторической памяти и этнической идентичности.

Историческая память – конституирующее образование, которое обуславливает жизнеспособность этноса в целом, а также самосознание его представителей. Историческая память народа оказывается представлена в форме официально принятой последовательности событий, а также в форме субъективной памяти представителей народа. Зачастую оказывается, что это соотносящиеся, однако различные по содержанию и оценкам реальности.

Несмотря на определенную противоречивость и неполноту, историческая память обладает потенциальной способностью сохранять в сознании людей оценки событий прошлого, которые становятся ценностными ориентациями, определяющими их поведение [3]. Включаясь с субъективную картину жизненного пути, этно-историческая память может выступать одним из оснований этнической идентичности [7].

Субъективная реальность этнического самосознания при этом выявляется нами посредством нарратива, помещаемого в ходе анализа в хронотопную систему координат, где единицей анализа выступает «событие» – временно-пространственная локализация субъективно значимого и эмоционально пережитого факта, находящего оценку в личной теории респондента. Обращение социальной психологии к нарративуозвучно общей тенденции усиления интереса социальных наук к биографиям [5, с. 12].

«*Нarrатив* (англ. *narrative* – повесть, повествовательный) – история, повествование, рассказ, в частности о собственном личном опыте [1, с. 390]. Сего-дня нарратив – это концепт, объединяющий историю и психологию. В исторической науке актуальность нарративного подхода обосновывалась А. Дж. Тойнби [6], в психологии – Дж. Брунером [2].

По мнению Е.Е. Сапоговой суть нарративного подхода отражена в том, что «жизненный путь личности понимается как осмыщенное целое, существующее для нее самой и для других в форме завершенной истории – автобиографического нарратива» [4, с. 64].

Выбор нарративного подхода определяется необходимостью бережного отношения к биографической и исторической памяти людей, содержащей образы психологически болезненных, трагических событий.

Пилотажное исследование. Исследование проводилось на материале автобиографических нарративов респондентов, объединенных общим временем и территорией проживания. Целью было сравнительный анализ общей картины хронотопа исторической памяти поволжских немцев и представителей титульного этноса (русских), представленности в нем важных исторических событий и наличия их сопряжения с событиями личной судьбы. Исследование проводилось в сентябре 2015 г. – апреле 2017 г. на территории Волгограда и Волгоградской области. Участниками стали местные жители, граждане России, всего 72 человека. Из них 36 человек, относящих себя к титльному этносу (русские) и 36 человек, считающих себя поволжскими немцами, в возрасте от 47-ми до 93-х лет. Применялись методы беседы, полуструктурированного интервью (авторский опросник).

Удалось установить субъективно значимые события культурно-исторического контекста, являющиеся общими для респондентов, так или иначе вплетенные в их личные жизненные истории. Такими событиями для поволжских немцев стали:

1) основание колоний на берегу Волги немецкими переселенцами, прибывшими по приглашению Екатерины II в Россию (1765 г.) – 52%: «Те, которые при

Екатерине приехали, долгое время традиции соблюдали, веру держали, а потом все перемешалось, вот так»; «Родители или бабки с дедами приехали сюда при Екатерине»; «А потом появился появился манифест Екатерины II, которая приглашала иностранцев осваивать Поволжье. Вот так наши предки и оказались в Лизендергийском кантоне, сейчас это Энгельский район ст. Безымянная»; «Мы из тех немцев, которые в Россию при Екатерине заселились».

2) ликвидация Автономной Республики немцев Поволжья и депортация немцев из АССР, встречающаяся в речи респондентов как: «ссылка», «трудармия», «репрессия» – 61%: «Из ссылки на родину предков мы только в восьмидесятых приехали. Деда в трудармию отправили в сорок первом, а бабушка одна с пятерыми детьми в селе осталась»; «Мой отец родился в ссылке, в Сибирской деревне»; «А какая маслобойка у нас была! Ни у кого такой не было. Как шкатулка со створками и ручка сверху, как у патефона... родители с собой в ссылку привезли»; «Отца арестовали, а мы всей семьей – нас 10 человек было с дедушкой и бабушкой, еще тетя с нами – в ссылку»; «Конечно, трудармия – сложный период в жизни наших отцов, дедов»; «Когда их выслали, деда забрали в трудармию, а мама была беременна пятым как раз, отцом моим».

3) частичная реабилитация 1956 г. – 16%: «Уже когда я вышла замуж, мы с мужем разыскали в архивах сведения о том, что в 1942 году он был расстрелян, а в 1956 – реабилитирован»; «Ну потом тоже ходили мы, уже тут отмечались, ходили расписывались в комендатуру. А потом в 56 году сняли это. Ну, репрессию эту»; «Как в 56 году сюда вернулись, вот такие печки делали... это летняя кухня. Не совсем сразу... но вернулись»;

4) возможность вернуться на территорию бывшей немецкой автономии («на родину») в 70-х годах – 19%: «А мы уже потом вернулись. Но не в наше село, в другое. В нашем уже и дома нашего не было, мы тут поднимали село»; «Когда война уже кончилась, маме сказали, что едут домой, на родину. Короче, ее не отпустили на родину. В Крым, потому что посчитали врагом народа. Намного Позже вернулись, в семидесятых».

5) переезд родных в Германию, на историческую родину, в 90-х гг. – 61%: «У нас, во-первых, деревня почти полностью эмигрировала в Германию, можно сказать. Почти все уехали»; «Может, в Энгельсе есть, наши родственники, которые в Германию уехали – мамина двоюродная сестра, Эдна – вот она делала что-то, только ты тогда не очень интересовались»; «Но это я уже потом узнал, когда наши в Германию стали уезжать»; «В Германию не удалось уехать, вовремя документы не собрали, а сейчас уже все сложнее стало. Да и не жалеем, дети здесь, куда ехать-то. Стареем, жизнь проходит. Будем тут доживать».

6) неудачные попытки восстановления государственности – 27%: «Одно время была надежда, что будет у нас тут автономия, как раньше. Но не позволили. Дело дошло до демонстраций, оскорблений, после этого многие разочаровались и уехали в Германию».

В нарративах респондентов, идентифицирующих себя с титульным этносом (русские), отмечены следующие временные координаты:

1) 1917 г, начало XX вв., артикулируемые в нарративах респондентов как «революция» и «гражданская война» (18%): «Во время революции и гражданской войны – тоже понятно: там помещики и капиталисты»; «Говорили – бандитское село. Были там банды зеленые, и красные были, промышляли в революцию, по слухам».

2) 1941–1945 гг., фигурирующий в нарративах респондентов как «война», «Великая отечественная»: «Война закончилась, 54-ый–59 годы я училась, страна поднималась из руин»; «Я помню, когда война началась – не дай Бог никому, – на моих глазах дед погиб, и дом, бомбили. Даже вспоминать не хочу»; «Родилась я в 1953 году, 8 лет после войны. Район поначалу не помню, маленькая была. Родители рабочие, папа инвалид Великой Отечественной Войны. Прошел войну, в конце был ранен, ноги обморозил, не мог ползти, его признали негодным и из госпиталя отправили».

3) «советское время» (44%): «Примерно до 15 лет я ощущала себя частью самого великого и прекрасного общества на земле – советского коммунистического общества, за которое готова была отдать жизнь – так нас учили»; «Детсад

у нас старинный, вон там он, от судостроительного завода, я в него ходила. В группах были портреты Сталина, все праздники отмечали, Новый Год. В наше «плохое» советское время детей вывозили на летние дачи, на гору, на все лето».

4) «перестройка» (38%): «Помню очереди в магазинах, помню потом талончики. Перестройку...»; «Я коренной волгоградец. В 85 году перестройка, в 86 – техникум, в 91 последний призыв в советскую армию, 2 года служил»; «мне часто снится двор где прошло мое детство

а детство закончилось с приходом Перестройки... И оказалось что не все люди друг другу братья, что двери надо запирать, и о своих успехах никому не рассказывать»; «В перестроечные годы была очень тяжелая жизнь. Я потеряла работу на процветающая швейной фабрике «Динамо».

Установлено, что в нарративах поволжских немцев оказываются не представлены относительно спокойные исторические периоды, – актуализируются «трудность» и «боль». В автобиографических нарративах респондентов, относящих себя к титльному этносу, оказываются представлены как относительно спокойные исторические периоды, так и «тяжелые времена», под которыми понимаются преимущественно «война» и «перестройка».

Таким образом, были определены основные культурно-исторические события жизни народа, составляющие историческую память, в привязке к которым выстраиваются психологические хронотопы нарративов поволжских немцев и представителей титульного этноса.

Список литературы

1. Большой психологический словарь. – 4-е изд., расширенное / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – М.: АСТ; СПб: Прайм-Еврознак, 2009. – 816 с.
2. Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. – 2005. – №1 (2). – С. 9–31.
3. Дмитриева М.Г. Состояние и тенденции развития исторической памяти в массовом сознании российского общества: Автореф. ... канд. социол. наук. – М., 2005.

4. Сапогова Е.Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. – 2005. – №2. – С. 63–74.
 5. Рустин М. Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках // ИНТЕР. – 2002. – №1. – С. 7–25, С. 12.
 6. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник / Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 392 с.
 7. Трегубенко И.А. Историческая память в контексте субъективной картины жизненного пути личности: Автореф... канд. психол. наук. – М., 2013.
-

Рахматулина Даниэля Викторовна – аспирант Волгоградского института управления (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Россия, Волгоград.

Rakhmatulina Danielya Viktorovna – postgraduate at Volgograd Institute of Management FSBEI of HE “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”, Russia, Volgograd.
